

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.02)*

УДК 81

Х.Р. Сельмурзаева, З. М. Ахмадова*Чеченский государственный университет**г. Грозный, ЧР, Россия*

redaction-el@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ
ЧЕЧЕНСКОГО И КУМЫКСКОГО ЯЗЫКОВ*****[Khedi R. Selmurzaeva, Zaynar M. Akhmadova*****Features of interrelation of the Chechen and Kumyk languages]**

The study of borrowings in the vocabulary of any language has not only a linguistic, but also historical and ethnographic significance. This is important, both for clarifying the history of entering into the relationship between each other languages, and for general and comparative linguistics. Chechens and Kumyks have been contacting with each other for many hundreds of years. Naturally, traces of the relationship between Kumyk and Chechen languages are observed in the vocabulary of both languages. Despite the fact that in the domestic and foreign linguistics there is a large number of scientific works, where linguists are considering the problem of borrowing, today there remain many poorly studied issues that need to be resolved. Based on the events and phenomena under investigation, important factors of mutual enrichment of the Chechen and Kumyk languages were revealed. The special significance of cultural values and norms of borrowing in the vocabulary of the languages of neighboring peoples is substantiated. In modern society, these are factors of personal growth, the means of socialization and education of people and can serve as guidelines for the organization of educational interaction among different nationalities.

Key words: vocabulary, lexicology, borrowed vocabulary, Chechen and Kumyk languages.

Современные чеченский и кумыкский языки имели длительные исторические контакты. В Чеченской республике кумыки живут в Гудермесском и Грозненском районах, а также в городах Гудермес и Малгобек. Значительное количество кумыков проживает и в Хасавюртовском районе Республики Дагестан [11, с. 3]. В результате взаимовлияния оба языка обогатились многочисленными лексическими заимствованиями. Кумыкские заимствования, после русских и арабских, представляют наиболее крупный пласт заимствованной лексики чеченского языка, это также заимствования, имеющие давнюю историю. Вместе с тем в чеченском языкознании разра-

ботанность темы нахско-тюркских языковых контактов, пока находится на начальном этапе развития. В кумыкском языке это влияние ограничивается лексикой терского и хасавюртовского диалектов.

По мнению известного дагестанского лингвиста И.А. Керимова, из чеченского языка в терском диалекте заимствованы слова типа хъос «остров», кава «кузнечик», цаху // цагъо «уж», чимиш «спаржа», чилка «шест на стог сена»; калт «большой круглый сыр»; гъавпа «небольшая куча из глины»; дадикэи «ромашка», шэлэ «каша из пшеничной муки», кара «отделение для теленка в хлеву», кижав «завязь огурца», хъараба «лопух», лубьдик «лист кукурузного початка», шичи «двоюродный брат, двоюродная сестра», зарга «калина», калдетти «творог, приправленный топленным маслом», цахорка//цахо «недоросль» и др. [11, с. 123]. В то же время в северных диалектах кумыкского языка, несомненно, отложились чеченизмы более древнего происхождения. По нашему мнению, к этому пласту чеченизмов могут быть отнесены следующие слова терского и хасавюртовского диалектов кумыкского языка:

1. ванда «сеть из прутьев в форме ванны». Происхождение самого термина связано с русским диалектным ванда, который проник в кумыкский язык через посредство чеченского языка;
2. бэзим «аппетит, симпатия, охота»;
3. лаьрин «всегда, постоянно, все время»;
4. катцахур «кустарник с кислыми листьями»;
5. сухум «сухой ил»;
6. гъанга «большая глиняная миска»;
7. гайэт (бишлахъ) «творог»; собственно кумыкский синоним увма бишлакъ;
8. чындырхав «ящерица»;
9. гужийа «ненасытный»;
10. карачан «связка дров, которая подвязывается к полной арбе в качестве тормоза»; собственно кумыкский синоним суйретме, образованный от глагола суйретмек «заставить тащиться»;
11. гъангорчик «качели»;
12. гидир «круглый сыр»; собственно кум. гиччи хола бишлакъ;
13. литти «крестец снопов»; собственно кум. къучакъ кюлте;
14. гъампухъ «название какой-то рыбы»;
15. тагъапа «крутой спуск к реке»;

16. даттихан «каша из кукурузной муки и остатка топки масла»;
17. паста «пшенная каша»;
18. гьастам «палка с острым концом»;
19. махчы «троюродный брат, троюродная сестра»;
20. забр «лейка» и т.д.

Чеченизмы характерны для лексики, связанной с фауной. Так, например, в лексико-тематической группе слов «названия кормов животных» представлены чеченизмы, которые характерны не только для диалектной речи, но и для литературного языка кумыков, ср. чеч. раг1 «скирда, стог» (инг. арг1а, акк. арг1); кум. аракъ «стог сена, скирда».

В ряде случаев при заимствовании лексемы происходят семантические изменения. Чеченская основа хуола «стог сена» при проникновении в кумыкский язык изменила свою семантику, ср. кум. хола «кучка, куча чего-н.». Вместе с тем в других случаях исходная семантика остается первичной, ср. чеч. х1ур «мельничная пыль» – кум. гьур в том же значении.

Материал чеченского языка позволяет осветить и некоторые неясные стороны происхождения ряда кумыкских лексем. Так, например, в кумыкском фольклоре встречается орнитоним таштюлек «название какой-то крупной хищной птицы». Первый компонент этого слова, несомненно, кумыкский – слово таш общетюркское и в данном случае оно выступает в переносном значении «горный».

Неясно происхождение второго компонента – тюлек. Нам представляется, что эта основа кавказского происхождения. В пользу нашего предположения свидетельствует наличие сходной основы в чеченском языке, ср. тилаг1ирг1а «черный гриф», букв. «облезший ястреб» [1, с. 39]. Компонент тила, представленный в составе орнитонима, имеет этимологическую связь с чеченским глаголом тила «выпасть, выпадать, вылезать (о шерсти, волосах)» [16, с. 236] и его производными – тилар «выпадение волос, шерсти», тило «общипать перья», тилор «общипывание перьев» и т.д.

В ономастике кумыков встречаются также мужские и женские имена от чеченских названий птиц: Лича, Хоза, Човка и т.д.

В морфологическом аспекте заимствованные чеченизмы можно подразделить на несколько групп:

1. Однокорневые слова: бади «утка»;

2. Оформленные с помощью суффиксов имен существительных: арданг «стая волков»;
3. Названия, образованные сложением основ имен существительных в именительном падеже: гургаз «лебедь» и т.д.

В то же время кумыкские заимствования были освоены чеченским языком в составе многих лексико-тематических разрядов. Поскольку невозможно охватить все заимствования, проникшие в чеченский язык, остановимся только на некоторых из них, исходя из достаточной достоверности их тюркского происхождения.

Есть ряд терминов кумыкского происхождения в чеченском языке, также связанные с фауной, которые представляют большой интерес для лингвистов. Это, например, термины, которые определяют общие понятия о животных:

- а) чеч. *джа* «овцы, отара овец». Данная основа наблюдается в нахских языках изолированной. И.Ю. Алироев ставит эту основу в один ряд с бацбийским *джемпир* в том же значении. На наш взгляд, бацбийская основа является сложной, где выделяется компонент *-дже*, который и соответствует чеченскому *джа*, отличаясь лишь вокализмом. Что касается второго компонента бацбийского *дже-мпир*, то он неясного происхождения. Однако самостоятельность компонента *-дже* подтверждается чеченской параллелью *джа* [13, с. 77].

По нашему мнению, данная основа может быть сопоставлена с кумыкским диалектным словом *чахав//чохай//чохав*, ср. также аварское *чахъу* «овца». Указанные основы имеют, как отмечает К.С. Кадыраджиев, древнее тюркское происхождение, так как в различных тюркских языках корень *чак-//чаг-//чак-* в значение «мелкий рогатый скот» достаточно широко распространен, ср. азерб. диал. *чаху* «овца», кирг. диал. *чагырмак* «козел, коза» и т.д. Все эти названия концентрируются вокруг межтюркского термина *чага* «дитя, детеныш животных, порода животных», ср. эту основу в составе кумыкского парного слова *бала-чагъа* «дети, детвора».

- б) чеч. *онг* «упитанность животного» (кист. *оьнг*) не имеет определенной этимологии. Нам представляется, что эта основа может быть сопоставлена с современным кумыкским *онг* «удобство, благоприятность, налаженность», то есть в данном случае налицо семантическое развитие кумыкского слова на почве чеченского языка.

4. Названия помещений для домашних животных:

- а) акк. диал. *ɣlotta* «кошара». Данная основа имеет несомненную связь с кумыкским *къотан* «кошара; помещение для скота и работников на угодьях». Второе значение кумыкского термина «большое земельное угодье, в основном пастбищное» в чеченском языке и его диалектах не отразилось. В составе аккинско-го *ɣlotta* можно отметить следующие фонетические особенности: замещение кумыкского заднеязычного *-къ* чеченским *-ɣl* (озвончение), геминацию (кум. *-т-* > чеч. *-тт-*) и утрату конечного сонорного звука *-н-*: *къотан* > чеч. *ɣlotta*.
- б) акк. *гоьттарма* «навес для крупного рогатого скота, сарай» < кум. *гётерме* «навес, лабаз». В аккинском диалекте произошло сужение семантики кумыкского слова. В фонетическом плане имеет место геминация интервокального дентального *-т->-тт-*, а также замещение кумыкских гласных переднего ряда гласными чеченского языка заднего ряда [6, с. 14].

5. Болезни животных:

- а) чеч. *авсал* «ящур» (кист. *эвсал*, итум. *овзал*). Основа *авсал* наиболее близка к кумыкскому первоисточнику *авсул* с тем же значением. Представляет интерес итум. параллель *овзал* в том отношении, что она стоит ближе к кумыкской праформе *авзул* [2, с. 45], чем к современному варианту *авсул*. Однако наличие в других чеченских диалектах варианта с глухим *-с-* предполагает возможность вторичного озвончения согласного *-с-*.
- б) чеч. *овзиг* «стержень нарыва» (инг. *эзиг*, чеб. *озиг*). В чеченском языке произошло сужение семантического объема кумыкского слова *овзек*, имеющего четыре значения: 1) сердцевина; 2) перен. ядро; 3) неглубокий овраг; 4) ручей, протекающий в овраге. Первое значение кумыкского слова «сердцевина» и легло в основу семемы «стержень нарыва». Не исключено, что на первом этапе заимствования основа *овзиг* могла употребляться в чеченском языке в обобщающем значении «сердцевина; перен. ядро».
- в) чеч. *совкх//сонкх* «сап». Восходит к современному кумыкскому термину *сакъав вет.* «сап». Наличие согласного *-в-* в составе чеченского

совкх можно объяснить как вторичную вставку или же, что более вероятно, как метатезу, поскольку такой компонент представлен в составе кумыкского первоисточника. В пользу первого предположения говорит наличие согласного *-н-* в составе чеченского варианта *сонкх*.

6. Названия птиц (орнитонимы):

- а) чеч. *аттйокх* «кукушка», И.Ю. Алироев объясняет как заимствование из кумыкского *ат ёкъ* «кукушка», букв. лошади нет. Это народная этимология. Основа восходит к кумыкскому словосочетанию *ат ёкъ//аты ёкъ* «не имеющий своего названия», возможно, это своего рода эвфемизм [1, с. 36].
- б) *човка* «галка», нам кажется, что И.Ю. Алироев правильно говорит, что название данной птицы восходит к звукоподражанию, то есть в его основе лежит звукоподражание [1, с. 37]. Но также необходимо отметить и тот факт, что аналогичная основа существует и в кумыкском языке, ср. *чавке* «галка». По мнению К.С. Кадыраджиева, данная основа представлена и в других тюркских языках (например, чув. *чавка*) и образована от подражательного корня *чав-* при помощи общетюркского дериватора *-ке, -ка*. Именно это обстоятельство и позволяет считать эту основу заимствованной из кумыкского источника [10, с. 34].
- в) *гларглули* «журавль» (инг. *гларглыра*, чеб. *гларглыл*). По мнению И.Ю. Алироева, данная основа состоит из двух компонентов: звукоподражательного элемента *глар-глар* и слова *глы* «лебедь». Последний компонент сравнивается с персидским *глы* «лебедь» [1, с. 37]. Если еще можно согласиться с первой частью предположения И.Ю. Алироева, то его сравнение чеченского компонента *глы* с персидским *глы* не может быть принято. Здесь необходимо отметить следующее, во-первых, в персидском языке нет согласного *-г-*, персидское же *глы* «лебедь» – это заимствование из тюркских языков. И здесь было бы более уместно сравнение чеченского *глы* с кумыкским *къув* «лебедь». Во-вторых, компонент *глы* выделяется из комплекса – *глыли* (*гларглыли*). Причем никаких оснований для такого выделения нет, так как этот комплекс нигде не представлен в таком виде. Следовательно, здесь представлена основа, которую мы рассматриваем древний кумыкизм, ср. кирг. *каркыра* «журавль».

Как отмечает К.С. Кадыраджиев, современная кумыкская основа *къаркъара* «тело, туловище» – результат десемантизации древнекумыкского орнитонима *къаркъара//къаркъыра* «журавль» [10, с. 76]. Типология такой десемантизации (или метафоризации) представлена во многих языках, ср. русск. тех. *кран* (подъемный) – нем. *kranich* «журавль», азерб. диал. *гаргара* тех. блок (для подъема тяжестей) – *гаргара* «журавль» и т.д.

Заимствованные слова нередко подвергаются определенным фонетическим изменениям, таким как:

- а) наращение гласного ауслauta – чеч. бад «утка» в кумыкском варианте бади имеет дополнительный вторичный гласный -и-;
- б) в составе основы тюлек наращивается средняяязычный согласный -к-, ср. чеч. тила;
- в) появляется анлаутный гласный -а- в составе кумыкского термина аракъ «стог сена» (чеч. раг1), кроме того, в составе этой же основы можно отметить переход чеченского ауслautного согласного г1 в кумыкский къ.

Таким образом, мы видим, что чеченские и кумыкские лексические и иные заимствования языка, как и других близкородственных языков, являются, в конечном счете, следствием многовекового пребывания тюркоязычных народов в различных регионах современной Чечни и Ингушетии.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Алироев И.Ю.* Фауна Чечено-Ингушетии в вайнахских языках. Махачкала, 1970.
2. *Ахриева Р.И.* Названия птиц в ингушском и чеченском языках. Тезисы докладов. Грозный, 1968.
3. *Вагапов А.Д.* Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011.
4. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Тюркизмы в чеченском языке // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.
5. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К характеристике тюркско-вайнахских языковых контактов//Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.
6. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* О древнейших тюркизмах чеченского и ингушского языков // Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. Грозный, 1977.

7. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Предки кумыков в Чечне и Ингушетии (на материале исторических, фольклорных и языковых данных) // <http://kumukia.ru/modules.php?name=Pages&file=print&pid,9356>.
8. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
9. *Имнайшвили Д.С.* Некоторые группы лексики животноводства в диалектах чеченского языка. Тезисы докладов. Грозный, 1968.
10. *Кадыраджиев К.С.* Краткий этимологический словарь кумыкского языка. Махачкала, 2006.
11. *Керимов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
12. *Мациев А.Г.* Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный, 1973.
13. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1989.
14. *Сельмурзаева Х.Р.* Лексико-семантическое освоение тюркских заимствований в чеченском языке (на материале кумыкского языка): Дис. канд. филол. наук. Грозный, 2012.
15. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч.3. Грозный, 1980.
16. *Тадинова Р.А.* Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.
17. Чеченско-русский словарь. М., 2005.

R E F E R E N C E S

1. *Aliroev I.Yu.* Fauna of Chechen-Ingushetia in the Vainakh languages. Makhachkala, 1970.
2. *Akhrieva R.I.* The names of birds in the Ingush and Chechen languages. Thesis. Grozny, 1968.
3. *Vagapov A.D.* Etymological dictionary of the Chechen language. Tbilisi, 2011.
4. *Huseynov G.-R.A.-K.* Turkism in the Chechen language // Turkic-Dagestan language relations. Makhachkala, 1985.

5. *Huseynov G.-R.A.-K.* To the characteristics of the Turkic-Vainakh language contacts // Questions Vainakh vocabulary. Grozny, 1980.
6. *Huseynov G.-R.A.-K.* On the oldest Turkic languages of the Chechen and Ingush languages // Structural and typological features of the Russian and Caucasian languages. Grozny, 1977.
7. *Huseynov G.-R.A.-K.* The ancestors of the Kumyks in Chechnya and Ingushetia (on the basis of historical, folklore and linguistic data) // <http://kumukia.ru/modules.php?name=Pages&file=print&pid,9356>.
8. *Usheriev Yu. D.* Comparative-historical grammar of the Nakh languages and the problem of the origin of the historical development of the mountainous Caucasian peoples. Grozny, 1963.
9. *Imnayshvili D.S.* Some groups of vocabulary in the dialects of the Chechen language. Thesis of reports. Grozny, 1968.
10. *Kadyradgiev K.S.* Brief etymological dictionary of the Kumyk language. Makhachkala, 2006.
11. *Kerimov I.A.* Essays on the Kumyk dialectology. Makhachkala, 1967.
12. *Matziev A.G.* Essays on the lexicology of modern Chechen language. Grozny, 1973.
13. *Sevortyan E.V.* Etymological dictionary of Turkic languages. M., 1989.
14. *Selmurzaeva H.R.* Lexico-semantic mastery of Turkic borrowings in the Chechen language (on the basis of the Kumyk language): Thesis. Grozny, 2012.
15. *Suleimanov A.S.* Toponymy of Chechen-Ingushetia. Grozny, 1980.
16. *Tadinova R.A.* Turkic lexical borrowings in the system of North Caucasian languages. Thesis. M., 2006.
17. Chechen-Russian dictionary. M., 2005.

19 июня 2018 г.
